

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Чешскіе журналы: *Osvěta*, *Slovansky svět*, *Svetozor*, *Květy*, *Zěnska Biblioteka* 1872.

Разширяющееся съ каждымъ годомъ развитіе чешской журналистики, считающей свои органы сотнями (въ одной Прагѣ выходитъ болѣе 40 изданій), едва затрогивало вплоть до новѣйшаго времени журналы чисто-литературные или изданія того энциклопедическаго характера, который выработанъ журнальною практикой въ Россіи и Англій. Политическое движеніе, поглощая массу народныхъ силъ, отвлекаетъ многихъ отъ разработки чисто-литературныхъ вопросовъ или отъ развитія изящной литературы, оставляя лишь нетропутою сферу науки, которая во всѣхъ своихъ видахъ воздѣлывается многими надежными силами и имѣетъ многіе органы и въ періодической печати. Литературнымъ журналамъ долго не везло въ Чехіи; наилучшій изъ прежнихъ журналовъ, «*Lumír*», основанный первоначально Миковцемъ, нѣсколько разъ возобновлялся и не имѣлъ особаго успѣха. Журналы имѣли по большей части характеръ альманаховъ или сборниковъ, безъ особаго направленія, но съ единственною цѣлью дать приютъ произведеніямъ немногочисленныхъ романистовъ и поэтовъ. Последнія пять лѣтъ во многомъ измѣнили это положеніе дѣлъ. Партія, носящая часто въ политическомъ мірѣ названіе молодой чешской партіи и группирующаяся около «Народныхъ Листовъ», основала иллюстрированный журналъ «*Květy*» и, далекая отъ мысли сдѣлать изъ этого изданія что-либо похожее на обыкновенныя иллюстрированныя газеты, гдѣ текстъ пишется лишь для объясненія картинокъ, она придала ему по возможности характеръ литературнаго журнала. Романы Каролины Свѣтлой, Софіи Подлинской, Вацлава Вачка, стихотворенія Галька и друг. появлялись на столбцахъ новаго изданія, имѣющаго и понынѣ большой успѣхъ. Рядомъ съ нимъ возникло вскорѣ подражаніе ему, тоже иллюстрированный журналъ, «Свѣтозоръ», редактируемый Тоннеромъ и опиравшійся на поддержку старо-чешской партіи. Цѣли его

были тѣ же, что и у его предшественника, хотя разнообразіемъ содержанія и талантливостью сотрудниковъ онъ сильно уступалъ ему. Съ теченіемъ времени число литературныхъ изданій приумножилось: «Květy» дали жизнь изданію, посвященному защитѣ и поддержкѣ жепскаго движенія, постепенно развивающагося къ Чехіи; такъ создались «Ženske Listy», за которыми послѣдовала недавно «Женская Библіотека», занимающая среднее положеніе между журналомъ и сборникомъ болѣе пространныхъ статей и документовъ. Затѣмъ въ минувшемъ 1871 году Влчекъ основалъ уже чисто-литературный ежемѣсячный журналъ «Osveta», а въ нынѣшнемъ году сталъ выходить на чешскомъ и русскомъ языкахъ журналъ невѣдомаго дотола въ литературѣ г. Гюптера, посящій двойное, чешско-русское, названіе «Slovanský Svět» — *Славянской Миръ*.

Лучшимъ изъ названныхъ журналовъ является въ настоящее время «Osveta». Программа ея весьма широка и обнимаетъ собой, наряду съ произведеніями изящной литературы, статьи по естественнымъ наукамъ, исторіи, философіи, искусству. Болѣе серьезный взглядъ редакціи на дѣло и сравнительно высокое вознагражденіе за трудъ (эта сторона литературнаго дѣла въ Чехіи находится еще въ весьма неудовлетворительномъ положеніи) привлекли къ участию въ «Освѣтѣ» многихъ лучшихъ представителей чешской литературы. Романы Каролины Свѣтлой (считающейся замѣчательною писательницею), самого издателя, помѣстившаго въ прошломъ году весьма удачный историческій романъ: *Голова и Таворъ*, стихотворенія Галъка, изданныя въ настоящее время вмѣстѣ съ нѣсколькими другими особо подъ общимъ заглавіемъ: *Въ природѣ*, — помѣщались наряду съ статьями ученаго содержанія; въ числѣ послѣднихъ мы находимъ обзорѣніе новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій въ Чехіи Фердинанда Шульца, статью Зоубка объ Аммосѣ Коменскомъ, статью извѣстнаго филолога, профессора Гатталы, о всеславянскомъ литературномъ языкѣ (продолженіе ея будетъ въ 1872 году), статьи о литературѣ и жизни другихъ славянскихъ народовъ и т. д. Въ настоящемъ году составъ журнала сдѣлался еще богаче и разнообразнѣе. Въ вышедшихъ нынѣ трехъ книгахъ обращаютъ на себя вниманіе: этюдъ о польскомъ поэтѣ Юліи Словацкомъ и его времени, съ переводомъ нѣкоторыхъ мѣстъ лучшихъ произведеній Словацкаго; статья П. А. Дурдика о театрѣ въ Россіи, составленная по достовѣрнымъ русскимъ источникамъ и изображающая въ правдивомъ свѣтѣ настоящее непормальное положеніе театра на Руси, не забывая и свѣтлыхъ его сторонъ; статья талантливаго чешскаго композитора Пиводы о чешской оперѣ, доказывающая, что до сихъ поръ не сдѣлано серьезныхъ попытокъ къ основанію истинно-самобытнаго чешскаго стиля въ музыкѣ, въ то время какъ стиль этотъ вполне возможенъ и образцы его уже даны до нѣкоторой степени извѣстнымъ Смѣтаной, отступившимъ впрочемъ въ настоящее время отъ своего первоначальнаго направленія; статья Закрейса о положеніи драмы во

Франціи; очерки Америки Сладка и Пастера, философская статья І. Дурдика, написанная въ опроверженіе ходячаго пыпѣ убѣжденія въ мнимомъ упадкѣ философіи.

Таково направленіе и составъ лучшаго изъ чешскихъ журналовъ, которому нельзя не пожелать полнаго успѣха, тѣмъ болѣе, что редакція его, сколько намъ извѣстно, имѣетъ живое желаніе знакомить свою публику и съ литературою и съ общественнымъ движеніемъ на Руси.—а этого близкаго знакомства, не по однимъ лишь слухамъ, сильно еще недостаетъ чехамъ. Въ послѣднее время одинъ изъ повѣйшихъ иришельцевъ въ семью чешскихъ журналовъ, упомянутый уже нами «Славянскій Міръ», выступилъ съ спеціальною цѣлью служить славянской взаимности и ознакомленію съ Россіей въ особенности. Журналъ этотъ игнорируетъ, ставшее въ настоящее время почти аксіомой, мнѣніе, что взаимность эта можетъ развиваться не помощью фразъ и риторическихъ оборотовъ, не изученіемъ одной только старины того или другаго народа, но познаніемъ современнаго состоянія славянства, указаніемъ существенныхъ вопросовъ и начинаній въ средѣ его, разработкой началъ практическаго, реальнаго сближенія. Онъ даетъ вмѣсто того слабыя компіляціи, чаще всего историко-археологическаго содержанія, современной политики касается общими, избитыми и часто сентиментальными фразами, а съ Россіей знакомитъ какими-то жиденькими корреспонденціями изъ Москвы, по которымъ трудно было бы слѣдить за общественнымъ и литературнымъ движеніемъ, такъ какъ вмѣсто него дѣло идетъ тутъ о мелочныхъ, безынтересныхъ новостяхъ, ровно ничего не характеризующихъ. Русскому дѣлу новый журналъ хотѣлъ бы служить еще грамматическими упражненіями, основанными на сличеніи чешскихъ оригиналовъ съ русскими ихъ переводами (такъ въ 3-й книжкѣ напечатанъ вновь переводъ тирольскихъ элегій Гавличка, *уже нѣсколько разъ* переводившихся порусски), но врядъ ли окажется на практикѣ возможнымъ серьезное изученіе языка по текстамъ en regard, не сопровождаемое объясненіями знатока, и во всякомъ случаѣ совмѣщеніе въ одномъ изданіи журнальныхъ статей съ учебными упражненіями не можетъ не дѣйствовать въ ущербъ единству и осмысленности изданія. Видно, еще не приспѣло время для международнаго славянскаго органа, который, разумно веденный и счастливо обставленный литературными силами, могъ бы приносить дѣлу существенную пользу, вносить свѣжія мысли и самостоятельныя взгляды въ борьбу за взаимность и расчищать для нея путь практически приложимыми средствами. Отъ удрученнаго же худосочіемъ новаго органа трудно ожидать особой пользы, какъ трудно было ожидать ея и отъ безвременно почившей нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вѣнѣ «Славянской Зари».

Оба иллюстрированныя чешскіе журнала, выполняя весьма добросовѣстно свое назначеніе и помѣщая на своихъ столбцахъ рисунки луч-

шихъ чешскихъ художниковъ, въ то же время заботятся о лучшемъ составѣ литературнаго своего отдѣла. Какъ гравюры преимущественно имѣютъ содержащемъ современныя или минувшія событія изъ жизни славянъ, портреты національныхъ дѣятелей, такъ и содержаніе статей предпочтительно избирается изъ той же жизни или представляетъ собой переводъ избранныхъ произведеній другихъ литературъ. Такъ «Kvetu» за нынѣшній годъ печатаютъ прекрасный переводъ стихотвореній Некрасова: *Морозъ—красный носъ*.—Что касается «Женской Библіотеки», то она въ первыхъ своихъ выпускахъ ограничилась помѣщеніемъ не изданной до сего времени частной переписки жены знаменитаго поэта Челаковскаго, одной изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и образованію женщинъ предшествовавшаго періода; эта переписка представляетъ большой интересъ для всякаго, кто хотѣлъ бы уяснить себѣ ходъ постепеннаго развитія чешскаго движенія; она относится къ тому времени, когда движеніе это было только въ зародышѣ и едва начинало складываться, и, будучи обращена къ лицамъ, болѣе или менѣе принимавшимъ участіе въ возрожденіи Чехин, можетъ служить цѣннымъ матеріаломъ и для историка. Въ виду этого, мысль издателей начать свой журналъ этою перепискою является вполне удачною и умѣстной въ изданіи, служащемъ не только женскому дѣлу, но и дѣлу народному вообще.

Въ нашемъ перечлѣ мы не упомянули о нѣкоторыхъ другихъ новременныхъ изданіяхъ, подходящихъ до нѣкоторой степени подъ рубрику журналовъ. Таковы, напр., «Osveta lidu», періодическій сборникъ повѣстей и статей для легкаго чтенія, назначаемый специально для народа,—изданія извѣстнаго общества распространенія народныхъ книгъ Matice lidu, на которыя существуетъ годовая подписка,—новый журналъ, основываемый въ Прагѣ г. Болеславскимъ, «Besednik», посвящаемый литературѣ, театру и искусствамъ и т. д. Точно также сюда не вошли многочисленные ученые и специальные изданія, размножающіяся въ Чехии съ каждымъ годомъ. Какъ видимъ, учено-литературныхъ журналовъ нашего образца еще слишкомъ мало въ общей массѣ періодической чешской печати; фельетонъ въ какой-нибудь политической газетѣ, случайное сотрудничество въ альманахѣ и рѣдко, очень рѣдко возможность издать отдѣльно свое произведеніе—вотъ что составляетъ еще удѣлъ многихъ чешскихъ беллетристовъ. Повидимому, настаютъ уже другія времена, и примѣръ «Освѣты» показываетъ, сколько полезнаго можно ожидать отъ будущей чешской журналистики.

Les guêpes. Par Alphonse Karr. Nice. 1872.

Остроумный Альфонсъ Карръ, бичевавшій нѣкогда своими язвительными и остро жалищими «Осами» буржуазное царство временъ Людовика-Филиппа, съ возрожденія имперіи долго оставался въ добровольномъ

отдаленіи отъ Парижа и отъ всѣхъ политическихъ дѣлъ. Онъ избралъ прелестный уголокъ Ниццы своею отшельнической кельей, забылъ литературу, надѣлъ передникъ садовника, вооружился ножницами и заступомъ и возился въ небольшомъ садикѣ, ухаживая за рѣдчайшими цвѣточными растеніями и выращивая первѣйшія въ свѣтѣ фіалки. Лица, посѣщавшія Ниццу, помнятъ и лавочку въ городѣ, на вывѣскѣ которой стояло просто: Alphonse Carr, jardinier, и самую виллу его, гдѣ пзъ-за цвѣтовъ выглядывала оригинальная фигура его въ какомъ-то плащѣ, умно смотрѣлись изъ-подлѣбья глаза и сверкала сѣдинами острая, клинообразная бородка сатирика и романиста, превратившагося въ цвѣтовода. Рѣдко подавалъ онъ о себѣ голосъ, посылая въ ту или другую парижскую газету бойкую замѣтку о какомъ-нибудь вопросѣ дня. Наконецъ, обстоятельства перемѣнились. Нѣтъ болѣе нужды уединяться, разобщаться съ міромъ,—и вотъ Карръ снова берется за прежнее дѣло, оживляетъ своихъ давно уже угомонившихся «Осъ» и періодически посылаетъ весь рой ихъ съ ихъ мелкими спутниками—комарами и мелкой мошкой—на лицъ, владѣющихъ нынѣ судьбами Франціи. «Осы» приносятъ много любопытныхъ вѣстей отовсюду и разоблачаютъ много темнаго и тщательно скрытаго. Хотя годы прошли съ перваго періода его листковъ, Карръ снова встрѣчается съ людьми, не разъ уже служившими ему мишенью: передъ нимъ опять тотъ же Тьеръ, какъ и въ блаженные сороковые годы, передъ нимъ министръ юстиціи Дюфоръ, экс-министръ Орлеановъ, Наполеона III и пылкій служащій республикѣ....; то же алчное и реакціонное духовенство держитъ въ рукахъ своихъ народное образованіе и накопляетъ непроизводительно громадныя капиталы; тѣ же неисправимые фанатики роялизма навязываютъ странѣ старую династію и хлопочатъ о вознагражденіи ея членовъ за конфискованныя имущества въ то время, когда непріятель еще стоитъ во Франціи и безмѣрная контрибуція еще не выплачена. Много насмѣшекъ и укоризнъ расточаетъ Карръ вожакамъ пылшняго національнаго собранія, министрамъ Тьеровскаго кабинета, самому президенту, въ фразы котораго о преданности республиканскому принципу онъ рѣшительно не вѣритъ. Къ сожалѣнію, раздраженіе увлекаетъ его и до незаслуженно-рѣзкихъ укоровъ и Гамбеттѣ, чей радикализмъ, частыя рѣчи и манифестаціи, въ которыхъ высказывается презрѣніе къ самообольщенію и чрезмерной гордости французскаго народа и требованіе перерожденія, работы надъ собой, желанія доучиться, переразвить себя,—возбуждаютъ въ Каррѣ понятное неудовольствіе. Карръ, при всей независимости его взглядовъ, уже представитель отживающаго поколѣнія. Онъ горячо любилъ Францію, желаетъ ея возрожденія; но согласиться съ унижителемъ французскаго прошедшаго, съ человѣкомъ, который не задумывается передъ лицомъ всей Европы признаться въ невѣжествѣ и отсталости французскаго народа,—это уже выше силъ для человѣка, выросшаго и взлелѣяннаго въ вѣрѣ во всемірно-историческое господство этого народа.

Empire in Asia, How we came by it; a book of confessions. By W. M. Torrens, M. P. London. 1872.

Это обзоръ исторіи расширенія англійскихъ владѣній въ Индіи, составленное членомъ англійскаго парламента Торренсомъ, произвело сильное, потрясающее впечатлѣніе на англійское общество. Авторъ далекъ отъ тщеславной мысли возвеличить идею англійскаго господства въ Индіи; напротивъ, вся книга его полна обличеній и разоблаченій тѣхъ неустойчивъ, злоупотребленій и звѣрствъ, которыя вкрались въ порядокъ, водворенный и поддерживаемый англичанами въ Индіи. Г. Торренсъ не прибѣгаетъ къ широкофшательнымъ фразамъ, но вооружается фактами и ими побиваетъ враждебную правительственную систему; онъ вызываетъ къ руководителямъ народныхъ судебъ, указывая, что теперь время остановиться, вникнуть въ происхожденіе и развитіе владычества въ Индіи, въ тѣ результаты, которые дало оно какъ по отношенію къ финансовому положенію вице-королевства, такъ и къ социальному развитію мѣстныхъ народовъ, и, если уже пельзя передѣлать вновь то, что прежде было сдѣлано,—вступить на новый путь сознательной политики, не имѣющей ничего общаго съ прежнимъ направленіемъ, при которомъ лѣнь и небреженіе мѣшали парламенту вникнуть въ истинное положеніе дѣлъ, а эгоистическіе расчеты администраторовъ заставляли ихъ затемнять его. Авторъ считаетъ индійскій вопросъ весьма сложнымъ и трудно разрѣшимымъ, но указываетъ въ то же время на нѣкоторыя существенныя реформы, которыя могли бы приблизить это разрѣшеніе. Такъ онъ требуетъ большаго мѣстнаго самоуправленія, протестуя противъ поглощенія, изъ административныхъ видовъ, ряда мелкихъ индійскихъ государствъ; онъ возстаетъ также противъ преслѣдованія и уничтоженія не писанныхъ юридическихъ обычаевъ народа, доставлявшихъ ему во многихъ случаяхъ скорѣйшую и справедливѣйшую защиту, и т. д. Для ближайшаго наблюденія и заботы объ индійскихъ дѣлахъ, онъ проектируетъ учрежденіе особой смѣшанной комиссіи изъ членовъ обѣихъ палатъ англійскаго парламента; эта комиссія могла бы, по его мнѣнію, служить высшею судебною инстанціей для разбирательства постоянныхъ пререканій индійскихъ владѣтелей съ британскою администраціей, которую они не перестаютъ отягчать справедливыми упреками за нарушеніе договоровъ и захватъ незаконной власти въ дружественныхъ и союзныхъ владѣніяхъ. Еслибы даже эти и подобныя имъ предположенія и не осуществились на практикѣ, книга Торренса останется тѣмъ не менѣ примѣчательнымъ явленіемъ, пробудивъ въ обществѣ своими безошадными обличеніями сознаніе необходимости коренныхъ реформъ въ важномъ для благоденствія Англійи вопросѣ. Такимъ образомъ она является въ своей сферѣ отголоскомъ того примѣчатель-

наго движенія, которое на нашихъ глазахъ охватываетъ всю англійскую жизнь.—движенія, вызваннаго инстинктомъ самосохраненія и ведущаго къ полному перерожденію всей жизни.

Das norddeutsche Theater. Ein neuer Beitrag zur deutschen Theatergeschichte von Heinrich Laube. Leipzig. 1872.

Одинъ изъ послѣдователей и близкихъ друзей Гейпе, вполнѣдствіи, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, постепенно отходившій отъ него и разстававшійся съ возрѣніями *молодой Германіи*, къ которой прежде принадлежалъ, Генрихъ Лаубе въ послѣднія двадцать лѣтъ посвятилъ себя почти исключительно театру, задавшись мыслью поднять уровень нѣмецкой сцены, изгнать изъ нея крѣпко влѣвшуюся рутину и замѣнить ее здоровымъ и естественнымъ развитіемъ драматическаго искусства. Для этого онъ пошелъ даже на компромиссъ съ злѣйшимъ врагомъ нѣмецкаго либеральнаго движенія, съ австрійскимъ деспотизмомъ, получилъ мѣсто директора придворнаго вѣнскаго Burgtheater, которымъ управлялъ въ продолженіи шестнадцати лѣтъ. Непріятно поразилъ всѣхъ друзей Лаубе этотъ рѣшительный шагъ; но Лаубе зналъ, чего хотѣлъ. Одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ сценъ такъ, или иначе была въ его рукахъ и, что важнѣе всего, именно та сцена на которой, по укрѣпившемуся за ней издавна характеру ультра придворнаго учрежденія, находили себѣ доступъ побужденія и интриги, не имѣющія ничего общаго съ искусствомъ. Немало приходилось выносить непріятныхъ столкновеній горячему и самолюбивому директору то съ сластолюбивыми и цѣлѣугодными самодурами изъ высшихъ сферъ, то съ своею братьей—литераторами, втиравшимися въ милость знати, которая мало по-малу сумѣла провести ихъ въ театральное управленіе и, при ихъ посредствѣ, парализовать всѣ начинанія Лаубе. Интриги и постоянное вмѣшательство въ артистическую часть управленія одного изъ подобныхъ писателей, Дингельштета, извѣстнаго своими передѣлками шекспировскихъ пьесъ, сдѣлали наконецъ для Лаубе продолженіе его дѣятельности въ Вѣнѣ невозможнымъ. Опытъ показалъ ему, что надежду на возрожденіе театра при помощи казеннаго учрежденія онъ долженъ отнести къ числу несомнѣнныхъ утопій.

Тогда явилась у него болѣе здравая и легче исполнимая мысль. Какъ разъ въ то время городская дума Лейпцига искала антрепренера, который взялъ бы въ аренду принадлежащій городу театръ. Лаубе радостно встрѣтилъ этотъ счастливый случай, дававшій ему возможность показать на учрежденіи, свободномъ отъ растлѣвающаго вліянія знатныхъ круговъ и почти независимомъ въ денежномъ отношеніи, что можно сдѣлать, при доброй волѣ и честномъ отношеніи къ дѣлу, съ нѣмецкимъ

театромъ. Съ новымъ жаромъ принялся онъ за театральныя реформы— и снова нажилъ себѣ толпу враговъ; имъ онъ казался слишкомъ безпокойнымъ, слишкомъ волпующимъ то мирное существованіе, которымъ до него наслаждались и труппа, и публика, къ которому присмотрѣлась и привыкла критика. Какъ признается самъ авторъ, онъ вовсе не имѣлъ претензіи вводить сразу небывалое, новое, перевернуть разомъ все, что сложилось въ теченіи десятилѣтій; онъ не хотѣлъ также пускаться публикѣ пылъ въ глаза и удивить ее роскошными спектаклями или массой новыхъ пьесъ въ новомъ, завлекательномъ родѣ. Съ вполне оправдываемымъ педантизмомъ, онъ предпочелъ возвратиться къ пьесамъ уже давно знакомымъ, пересмотрѣть то, къ чему глаза давно привыкли, но поставить все, отъ классической пьесы до легкой современной комедіи, въ достойномъ видѣ, строго обдумавъ и взвѣсивъ всѣ мельчайшіе отѣпки характеровъ, слога, постановки, костюмовъ и т. д. Онъ сталъ усиленно работать надъ азбукой театральнаго дѣла и, къ великой досадѣ актеровъ, заставляя ихъ учиться говорить, читать стихи и двигаться по сценѣ не съ тою казенною манерой, надутымъ пафосомъ и тапцвальными позиціями, которыя, къ сожалѣнію, заполнили не одну нѣмецкую только сцену. Эти попытки возбудили разпородную оппозицію: одни,—и къ этому числу принадлежали актеры,—негодовали на смѣльчака, явившагося проповѣдывать имъ о необходимости доучиваться, другіе же находили дѣйствія директора слишкомъ ничтожными, слишкомъ слабыми; но ихъ мнѣнію, не для того городъ вручилъ завѣдываніе своимъ театромъ извѣстному литератору, чтобы пересматривать старый репертуаръ и присутствовать при театральнo-педагогическихъ экспериментахъ. Со всѣхъ сторонъ поднялась оппозиція противъ Лаубе, который убѣдился теперь еще въ одной истинѣ, которую прибавилъ къ добытымъ уже въ Вѣнѣ,—въ той истинѣ, что мелочность и завистливость мѣщанства можетъ подчасъ оказаться для хода его дѣла ничуть не хуже капризовъ придворнаго интенданта и его начальства. Около полутора года провелъ Лаубе въ Лейпцигѣ, постоянно отставная свои планы и преобразованія, но подъ конецъ онъ не вынесъ этой борьбы. Теперь онъ снова переселился въ Вѣну, организовалъ уже единственно на свой собственный страхъ небольшой театръ, получившій названіе Wiener Stadttheater, и съ нынѣшняго года снова принялся за свою работу, все еще лелѣя мечту, что это—не безплодная Сизифова работа....

Вотъ краткій очеркъ, въ высшей степени поучительный и весьма характеризующій нѣмецкій театральныи миръ дѣятельности Лаубе, какъ реформатора національной сцены. Въ книгѣ, имъ изданной нынѣ, онъ пересказываетъ съ далеко еще не утраченнымъ мастерствомъ слога и нерѣдко даже съ юморомъ свои злоключенія, преимущественно за лейпцигскій періодъ; но для объясненія того хода историческаго развитія

сѣверо-германскаго театра, благодаря которому сложились застарѣлыя его недуги, онъ предпослалъ своему изложенію нѣсколько очерковъ состоящаго театра въ различныя, наиболѣе выдающіяся эпохи, начиная со второй половины прошлаго вѣка. Всѣ колебанія, пережитыя театромъ, то доходившимъ до классическаго совершенства при Ифландѣ, или Шиллерѣ, то падавшимъ при администраторахъ-чиновникахъ, то естественно гонимымъ впередъ причудливыми мечтателями въ родѣ Иммермана, выступаютъ здѣсь въ яркихъ контрастахъ. Для обозрѣвателя дороги здѣсь не историческіе, всѣмъ извѣстные факты, а тѣ основныя приемы, тѣ воззрѣнія на сущность театральнаго дѣла, которыя постепенно вырабатывались во время этой непрерывной смѣны различныхъ системъ и теорій. Эта-то сторона вопроса, равно какъ и своего рода исповѣдь о собственной дѣятельности, даетъ автору поводъ высказывать время отъ времени свой взглядъ на сущность настоятельныхъ реформъ, на главнѣйшіе недостатки, доселѣ присущіе нѣмецкому театру, — недостатки, отъ которыхъ Лаубе всегда старался освободить его. Въ особенности настаиваетъ онъ на изученіи труднаго искусства естественно и осмысленно читать и говорить на сценѣ; онъ передаетъ, сколько трудовъ стоило ему сначала приискать человѣка, который могъ бы служить надежнымъ руководителемъ въ этомъ отношеніи, сколько трудовъ стоило приучить актеровъ къ необходимости работать надъ своею застарѣлою декламацией. У него бывали за то утѣшенія, поддерживавшія вѣру въ возможность и приложимость его реформъ: онъ приводитъ примѣръ актера, занимавшаго сначала вторыя роли, но несомнѣнно одареннаго талантомъ; долгиа и прилежныя занятія надъ собою, искреннее желаніе приблизиться къ правдѣ и естественности въ мимикѣ и дикціи дали наконецъ волю этому таланту выбиться изъ старыхъ колодокъ, — и молодой актеръ съ второстепенной лейпцигской сцены сразу шагнулъ на избраннѣйшіе театры Германіи.

Во всѣхъ очеркахъ — и при изображеніи времени давно прошедшаго, и при характеристикѣ современности — живо и явственно выступаетъ характеръ самого автора. Это — пламенный поклонникъ искусства, сдѣлавшій изъ служенія ему цѣль всей жизни, вѣрящій въ побѣду его непреложныхъ законовъ надъ рутинной, застоємъ или балаганною новизной. Словомъ, это типъ, давно уже ставшій рѣдкостью на Руси; еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія встрѣчались такіе люди, какъ Кокошкинъ или князь Шаховской, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, несомнѣнно понимавшіе дѣло и по-своему честно относившіеся къ нему, заботившіеся объ образованіи талантовъ, старавшіеся умнѣе ставить пьесы и поддерживать состояніе театра на высокомъ уровнѣ. Это время прошло и не возвращается; конечно, нечего желать о возвратѣ ультра-классицизма Кокошкиныхъ, — всему есть свое время, — но въ настоящій бюрократическій періодъ театра не лишнимъ, далеко не лиш-

нимъ было-бы возможно полное возрожденіе прежняго высокаго взгляда на нашу національную сцену.

Priesterthum und Cölibat. Roman v. Ph. Iseknern. Braunschweig. 1872.

Этотъ романъ относится къ той категоріи произведеній, которую ввели въ моду извѣстные обличительные романы аббата ***, *Le Maudit, La religieuse, Le Jesuite*, и мн. др., выставившіе въ яркихъ чертахъ темныя стороны католическаго духовенства. По слѣдамъ французскаго автора, тщательно скрывшагося за таинственными тремя звѣздочками (многіе отгадывали въ немъ Людовика Ульбаха), и нѣмецкій романистъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ. Тѣмъ не менѣе полагаютъ, что авторъ принадлежитъ къ передовымъ дѣятелямъ такъ-называемаго старо-католическаго движенія и что, по всей вѣроятности, онъ самъ испыталъ на себѣ всѣ тягостныя послѣдствія ненормальныхъ и аскетическихъ постановленій, дающихъ католическое духовенство. Какъ видно уже изъ самаго заглавія, главною цѣлью автора было протестовать противъ насильственнаго принципа безбрачія, а поэтому и въ романѣ онъ долженъ былъ дать значительное развитіе любовной интригѣ, на ходѣ которой яспѣе подтверждалась бы справедливость протеста. Но на дѣлѣ не этимъ только ограничивается цѣль автора: онъ прибѣгнулъ къ легкой и всѣмъ доступной формѣ романа для того, чтобъ оказать и этимъ путемъ помощь разрастающемуся все шире нѣмецкому движенію противъ новыхъ папскихъ притязаній. Изобличая иногда непривычку къ художественной формѣ повѣсти, онъ отступаетъ время отъ времени отъ послѣдовательнаго разсказа для того, чтобъ или отъ себя, или устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, стараго, опытнаго и много думавшаго о религіи священника высказать всѣ desiderata либеральной партіи въ католичествѣ. Наряду съ безбрачіемъ протестуетъ онъ противъ печальнаго состоянія духовныхъ училищъ, выпускающихъ въ свѣтъ людей, вовсе не пригодныхъ быть духовными руководителями своихъ паствъ; онъ встаетъ противъ безнравственности nepotизма, погони за накопленіемъ богатствъ, безстыднаго обирація вѣрующихъ то подъ однимъ, то подъ другимъ предлогомъ; онъ порицаетъ деспотизмъ епископовъ и высшій изъ всѣхъ деспотизмовъ — неограниченную власть папы, непогрѣшимость котораго старикъ-священникъ прямо называетъ безсмыслицей, вредящей дѣлу церкви, противной и свободѣ человѣческаго ума, и всякому прогрессу. Это смѣшеніе проповѣди или поученія и романическаго разсказа, конечно, не можетъ не производить нѣсколько перовнаго и не совершенно благопріятнаго впечатлѣнія на читателя, который отнесся бы къ этому произведенію съ строгимъ критическимъ запросомъ. Но во

имя благой цѣли, стремленіе къ которой еще нуждается во всесторонней поддержкѣ, можно извинить автору многіе легкіе промахи, заставляющіе относить ромапъ его къ области чисто-тенденціозныхъ произведеній, какъ извѣстно, всего менѣе состоятельныхъ.

А. В.

Joseph II und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel von 1781 bis 1790. Herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. 2 Bd. Wien. 1872.

Вотъ изданіе, заглавіе котораго заставляетъ насъ опасаться, какъ бы оно не прошло не замѣченнымъ нашими историками. Кажется, какое дѣло русской исторіи до интимной переписки нѣмецкаго императора съ своимъ братомъ, занимавшимъ одинъ изъ вассальныхъ троновъ Австріи? А между тѣмъ здѣсь весьма много интереснаго, и именно для объясненія царствованія Екатерины II. Это уже не первую услугу оказываетъ нашей исторіи Арнетъ. Въ 1869 году онъ издалъ любопытную переписку того же Иосифа II съ Екатериной. Новое изданіе часто касается тѣхъ же самыхъ вопросовъ, которые затронуты изданіемъ 1869 года. Изъ сличенія, такъ-сказать, оффиціальныхъ, льстивыхъ писемъ Иосифа къ Екатеринѣ съ его же откровенными письмами къ своему брату вытекаютъ очень любопытные и порой неожиданные выводы. Приведемъ одно изъ многихъ интересныхъ мѣстъ въ книгѣ—о Павлѣ Петровичѣ и его супругѣ. Въ 1782 году наслѣдникъ и наслѣдница русскаго престола путешествовали по Европѣ, подъ именемъ «сѣвернаго графа и графини». Иосифъ въ Вѣнѣ и Леопольдъ въ Тосканѣ встрѣчали ихъ съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Екатерина изысканно благодарила Иосифа, описывая ему радость и признательность своихъ дѣтей. Она заявляла, будто они пишутъ ей, что, «прибывъ въ Вѣну, они видѣли, какъ ихъ очаровательный (извините за выраженіе—оно не мое) хозяинъ заплакалъ, растроганный свиданіемъ сѣверной графини съ ея родителями.*»). Но между очаровательнымъ хозяиномъ и его гостями въ сущности не могло быть никакихъ нѣжныхъ чувствъ: послѣдніе были друзьями Пруссіи и, стало-быть, врагами Австріи. Правда тотчасъ же вышла наружу, какъ только высокіе путешественники прибыли въ Тоскану. Вотъ что писалъ о нихъ, между прочимъ, Леопольдъ Иосифу, 5 іюня 1782 года:

«Кстати, я долженъ васъ увѣдомить, что однажды, говоря со мной о дѣлахъ, сѣверный графъ сказалъ, что вѣнскому двору вѣрой и прав-

*) Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel, p. 113.

дой служить въ Петербургѣ графъ Кобенцль; что онъ съ женой стараются всѣхъ привлечь, вкрасться въ довѣріе, но что съ тѣхъ поръ, какъ Кобенцль уличенъ во лжи даже въ докладахъ своему двору, ему не довѣряютъ. Онъ разгорячился въ продолженіе рѣчи и, въ заключеніе, сказалъ, что мнѣ, вѣроятно, хорошо извѣстно, кто изъ петербургскихъ чиновниковъ былъ подкупленъ вѣнскимъ дворомъ; что это гадко, но что извѣстны всѣ подробности этого дѣла: когда, какъ, и кто, и день, и полученныя ими суммы. Я возразилъ ему, что, конечно, ничего не знаю объ этомъ. «Ну, отвѣчалъ онъ, такъ я ихъ знаю и назову вамъ: князь Потемкинъ, секретарь императрицы, Безбородко, первый министръ «иностранныхъ дѣлъ, Бакунинъ, съ графами Семеновъ и Александромъ «Воронцовыми, да Марковъ, теперешній голландскій посланникъ. Я называю ихъ вамъ съ цѣлью: пусть знаютъ, что они мнѣ извѣстны, и «при первомъ удобномъ случаѣ я прикажу ихъ высѣчь (ausguthen), я ихъ уничтожу, прогону». Графиня подтвердила мнѣ то же самое. Я же, какъ вы легко можете себѣ представить, не отвѣчалъ ровню ничего. Затѣмъ графъ сказалъ, что императрица хотѣла пригласить въ дядьки (Ajo) къ своимъ сыновьямъ Семена Воронцова; но они оба увѣряютъ, что скорѣе дойдутъ до крайности, чѣмъ ввѣрить своихъ дѣтей человѣку съ подобнымъ характеромъ. Я счелъ своимъ долгомъ передать вамъ всю эту, какъ мнѣ показалось, *странную* рѣчь».

Іосифъ отвѣчалъ на это письмо Леопольда слѣдующею запиской:

«Дорогой братъ! Только-что прибывшій изъ Неаполя курьеръ передалъ мнѣ ваше милое, длинное письмо. Несказанно благодарю васъ за него; я нашелъ тамъ чрезвычайно интересные анекдоты, характеристичныя для сѣвернаго графа и графини. При воспитаніи, обстановкѣ и предразсудкахъ ихъ страны, полная безхарактерность и, слѣдовательно, одинаковое расположеніе какъ къ честнымъ, такъ и къ безчестнымъ поступкамъ—вотъ ихъ судьба *)».

Въ перепискѣ Іосифа II съ братомъ есть много интересныхъ свѣдѣній, касающихся Россіи, кромѣ тѣхъ, которыя характеризуютъ ея наследную чету того времени. Мы видимъ, напримѣръ, какъ Іосифъ старался закрѣпить новый союзъ Австрій съ Россіей бракомъ старшаго сына Леопольда, будущаго императора Франца, съ принцессой Елизаветой вюртембергской, сестрой Маріи Ѳедоровны. Передъ нами разоблачается политика Іосифа во время второй войны Россіи съ Турціей. Для западной исторіи важны письма, касающіяся паны Пія VI, объѣзда Нидерландовъ на Баварію и внутреннихъ дѣлъ Австрій.

Нельзя не поблагодарить искренно Арнета за неутомимое изданіе важныхъ историческихъ документовъ, которымъ онъ занятъ съ 1866 года. Въ теченіе шести лѣтъ онъ познакомилъ свѣтъ съ перепиской Маріи-

* Joseph II und Leopold von Toscana, I, 118—119 и 125.

Терезія съ Іосифомъ и Маріей-Антуанетой, Іосифа съ Екатериной и Леопольдомъ, Маріи-Антуанеты съ братьями (всего 8 томовъ). Въ то же время Арнетъ успѣлъ, кромѣ этой черной работы, отдѣлать любопытное сочиненіе: *Исторія Маріи-Терезіи*. Доселѣ вышло четыре части этого труда, обнимающія 1740—1756 годы. Весьма желательно поскорѣе видѣть слѣдующій томъ, въ который должна войти Семилѣтняя война—событіе, которое сильно разрабатывается нынѣ западными учеными, во многомъ еще не согласными между собой.

Слѣдовало бы также поблагодарить и вѣнское правительство за то, что оно съ такой просвѣщенной готовностью открываетъ міру тайны своего придворнаго и государственнаго архива. Но мы не смѣемъ сдѣлать этого по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, этотъ архивъ далеко еще не совсѣмъ утратилъ свою вѣковую скромность. Въ изданіяхъ Арнета часто встрѣчаются «удивительные», по его собственному признанію, пробѣлы. И мы убѣждены, что пробѣлы эти не случайные. Почему, напри- мѣръ, среди подробныхъ и многочисленныхъ писемъ Іосифа къ матери за 1769 и 1770 годы (*Maria-Theresia und Joseph II, I, 233—321*) нѣтъ писемъ изъ Нейштадта, гдѣ, по всеобщему признанію современниковъ, доселѣ ничѣмъ не опровергнутому, Іосифъ и Фридрихъ II составили планъ перваго раздѣла Польши?... Мы не смѣемъ благодарить вѣнское правительство еще потому, что подозрителенъ годъ, съ котораго началась издательская дѣятельность Арнета: это—роковой для Австріи 1866 годъ, вызывающій кровавыя воспоминанія о Садовой. *Пужда* заставила вѣнское правительство либеральничать передъ наукой. Тѣперь вскрывается и Ватиканъ, послѣ вступленія въ Римъ войскъ Виктора-Эммануила; а благодаря послѣдней войнѣ, мы узнали много гнусныхъ тайнъ Наполеона III... Какъ ни прискорбно, а должно сознаться, что кровопролитія служатъ къ украшенію исторической науки, какъ пожаръ способствовалъ украшенію Москвы...